

ПЕДАНТИЗМ И МАГИЯ ПРИ ОБСЕССИВНО-КОМПУЛЬСИВНЫХ РАССТРОЙСТВАХ

В.П.РУДНЕВ*

Статья посвящена исследованию соотношенности двух противоположных черт обсессивно-компульсивной пропорции: педантизма и магии. Акцентируется основная особенность, характеризующая мышление компульсивных невротиков: сочетание высоко развитого интеллекта и наполняющих его архаических черт, магии и суеверий. Рассматриваются некоторые существенные черты магии и магических ритуалов, где выделяется безукоризненная точность их исполнения, вне которой они не имеют силы. Проводятся параллели между этими особенностями магии и поведением компульсивной личности с характерными для нее «педантизмом навязчивого повторения» и неукошительным следованием разнообразным табу. Анализируется феномен «всемогущества мышления», без которого портрет компульсивного (и картина магии) был бы не полон. Выявляются анально-садистические истоки педантизма, где особая роль отводится отцовскому Суперэго. Последнее рассматривается в качестве источника как педантизма, так и анального садизма, а в определенном смысле и источника магии.

Ананкастичность есть проявление педантизма, только перешедшее уже известную грань, – заключает автор в конце своего большого и насыщенного свежей информацией исследования, – именно эта трансгрессия, переход через границу, и есть магичность ананкастов.

Ключевые слова: обсессивно-компульсивный невроз – психоанализ – Фрейд – анальная фиксация – садизм – магия – всемогущество мыслей – педантизм.

---

* Руднев Вадим Петрович – филолог, философ, семиотик, доктор филологических наук.

*Пройти вдоль нашего квартала,
Где из тяжелого металла
Излиты снежные кусты,
Как при рождественском гаданье.
Зачем печаль? Зачем страданье,
Когда так много красоты?
Но внешний мир – он так же хрупок,
Как мир души. И стоит лишь
Невольный совершить поступок:
Задел – и ветку оголишь.*

Давид Самойлов

*Но в двенадцать ноль-ноль часов
Пристучал на одной ноге
На работу майор Чистов,
Что заведует буквой «Ге»!
И открыл он мое досье
И на чистом листе, педант,
Написал он, что мне во сне
Нынче снилось, что я атлант!..*

Александр Галич

1. «Ученый малый, но педант...»

Педантизм обсессивно-компульсивных личностей (ананкастов), а также лиц, страдающих неврозом навязчивых состояний, пожалуй, – самая бросающаяся в глаза черта таких натур. Карл Леонгард, психиатр из Германии, главу об ананкастах в своей книге «Акцентуированные личности» так и назвал – «Педантические личности». Вот показательный фрагмент из этой книги:

«Эльза Ш., 1925 г. рожд., домохозяйка. <...>. Ш. очень добросовестна, всякую работу выполняет основательно. Соседи часто отмечают, что она чересчур аккуратна, без нужды усложняя себе этим жизнь. Ш. никогда не отдыхает, она работает с утра до вечера, не покладая рук, добываясь во всем образцового порядка, безукоризненной чистоты. <...> Кроме работы по хозяйству для семьи, Ш. еще возделывает садик. Грядки в нем прямые, как стрелки, ни единого сорняка не найти. Утром она всегда поднимается в назначенное время, но это не мешает ей заводить два будильника, «чтобы вовремя разбудить мужа». Ш. часто проверяет выполненную ею работу: вытрет пыль – и сразу начинает гладить рукой мебель, чтобы установить, не осталось ли пыли. Она обязательно дергает дверную ручку, заперев за собой входную дверь. Бывает и так, что возвраща-

ется домой, дабы убедиться в том, что газ и утюг выключены. Правда, ей никогда еще не случалось забыть выключить тот ли иной прибор, но все же она из-за этого беспокоится» (Леонгард, 2000, с. 107-108).

Карл Леонгард – психиатр из ГДР (в оригинале его книга написана в 1960-е годы), этим объясняется некоторая наивность его стиля. Но, кроме того, этим, вероятно, объясняется и тот факт, что в главе о компульсивных личностях автор ни словом не упомянул о другой определяющей черте данного характера и расстройства. И эта черта противоположна первой: речь идет о склонности к бытовой (и не только) магии – суевериям, приметам, вере в сверхъестественное, а также тому, что З.Фрейд в книге «Тотем и табу» назвал «всемогуществом мыслей». Вот что сам Фрейд пишет об этом:

«Название “всемогущество мыслей” я позаимствовал у высокоинтеллигентного, страдающего навязчивыми представлениями больного, который, выздоровев благодаря психоаналитическому лечению, получил возможность доказать свои способности и свой ум. Он избрал это слово для обозначения всех тех странных и жутких процессов, которые мучили его, как и всех, страдающих такой же болезнью. Стоило ему подумать о ком-нибудь, как он встречал уже это лицо, как будто вызвал его заклинанием; стоило ему внезапно справиться о том, как поживает какой-нибудь знакомый, которого он давно не видел, как ему приходилось услышать, что тот умер...» (Фрейд, 1998, с. 107).

Обсессивно-компульсивные расстройства изучены настолько хорошо и подробно, что нет смысла останавливаться специально на тех многочисленных исследованиях, которые посвящены этому вопросу. Тем не менее, ни в одном из доступных нам исследований мы не нашли ответа на *вопрос о том, как связаны* такие, на первый взгляд, противоположные особенности этого расстройства. Мы будем рассматривать и невроз навязчивости, и обсессивно-компульсивный характер (ананкасты), и обсессивно-компульсивные состояния как, с одной стороны, *педантизм*, то есть нечто как будто бы предельно рациональное, и, с другой, как *магию, суеверия, всемогущество мыслей*, то есть нечто, как будто бы предельно иррациональное.

Об этой связи педантизма (в данном случае аккуратности) и магии (всемогущества мыслей), интерпретируя ее на психоаналитический лад, пишет в своей знаменитой книге «Психоаналитическая теория неврозов» Отто Фенихель:

«Следующий случай хорошо иллюстрирует веру во всемогущество мышления, чувство вины, обусловленное этой верой, и попытки защититься от чувства вины посредством аккуратности.

Перед началом войны пациент, вешая свое пальто в шкаф, внезапно воспринял компульсивную команду: «Ты должен повесить пальто особенно аккуратно». Он, сопротивляясь, ответил: «Я слишком ленив», и вдруг почувствовал угрозу: «Если ты не повесишь пальто аккуратно, разразится война». Пациент не проявил осторожности.

Несколькими днями позже началась война. Пациент сразу вспомнил эпизод с пальто. Он знал, конечно, что причина войны не в его неосторожности, но чувствовал себя, словно дело в нем. Ранее он был убежден, что умрет на войне, и теперь считал войну справедливым наказанием за свою небрежность проявленную с пальто.

Интерес пациента к войне имел долгую историю. В детстве он очень боялся деспотичного отца и преодолевал свою тревогу, пугая маленького брата. Он вел себя садистски по отношению к брату, особенно во время игр в войну. Когда пациент был в юношеском возрасте, его брат умер от болезни. Тогда у него возникла навязчивая мысль о собственной смерти на войне. Эта мысль выражала бессознательную идею: «Я убил своего брата во время игры в войну, поэтому должен ожидать возмездия и умереть на войне».

Отец пациента сильно акцентировал аккуратность. Правильное вешание пальто означало – послушание отцу. <...> Впоследствии аккуратность, означавшая послушание отцу, приобрела бессознательное значение отказа от убийства отца. Неаккуратность, напротив, означала «риск совершить убийство отца и быть убитым» (Фенихель, 2004, с. 390-391).

О связи педантизма и магии пишет также известный исследователь-мифолог Бронислав Малиновский:

«...магия требует строгого соблюдения множества условий: точное воспроизведение заклинания, безукоризненное исполнение обряда, неукошительное следование табу и предписаниям, которые сильно сковывают мага. Если одно из многочисленных условий не выполняется, магия не удастся» (Малиновский, 1998, с. 85).

2. Убил свою тещу

О. Фенихель не только соотносит педантизм и бытовую магию, но и увязывает их с садизмом, о чем речь будет идти ниже. А пока позвольте также и мне привести пример, свидетельствующий о *связи педантизма и магических представлений*.

Г-н А., известный ученый, академик, сочетающий в себе компульсивные и истерические черты, крайне педантичный во всем, что касается научной работы (каждую мысль он записывает на отдельную карточку), считал, что убил свою тещу. Дело было так. Теща была уже тяжело

больна раком в терминальной стадии. Г-н А. имел обыкновение, сойдя с пригородного поезда, идти на дачу по определенной неудобной, заросшей, но привычной тропинке. В тот вечер он встретил соседку по даче, которая уговорила его идти другим путем, более, по ее мнению, удобным, – через дамбу. Он нехотя согласился. Ночью старой женщине, которую болезнь удерживала в Москве, стало плохо, и на утро г-н А. получил от жены телеграмму о том, что теща умерла. Г-н А. осознавал, что его теща была тяжело больна, но был твердо убежден, что если бы он пошел не через дамбу с соседкой, а обычным ритуальным путем по заросшей тропинке, то «она прожила еще хотя бы немного». Объясняя свое убеждение, он утверждал, что если бы этот путь его ни к чему не обязывал, то ничего бы и не произошло, но поскольку он поддался на уговоры соседки и не пошел обычной дорогой, *гарантирующей заведенный порядок вещей* (идея, чрезвычайно характерная для компульсивных), то есть нарушил этот порядок вещей, то тем самым он спровоцировал смерть тещи.

Идея «развилки», возможности идти либо одной дорогой, либо другой, то есть реализация компульсивной амбивалентности, сказывается в очень многих поступках таких людей (см. также главу «О сущности безумия» книги (Руднев, 2005)). Компульсивные манипулируют, в сущности, всего двумя знаками, точнее, модальными операторами: «можно» и «нельзя». Их семиотика бинарна. Если, выйдя из дома, компульсивный человек встречает женщину с полным ведром, то он расценивает это как хорошее предзнаменование, если с пустым, то как дурное.

Г-н В., страдающий шизотипическим расстройством личности с выраженными компульсивными чертами, жил в доме, где было два лифта, один большой, вместительный и другой маленький, на три человека (в дополнение к этому маленький лифт располагался слева – левая сторона в традиционных магических представлениях, как известно, считается дурной). Выходя на лестничную клетку, он нажимал на кнопку вызова лифта, и, если приходил большой лифт, то это означало для него, что предстоящее мероприятие будет успешным, если же маленький, то ничего хорошего от выхода из дома ждать не приходилось, и можно было даже возвращаться обратно, что подобные люди зачастую и делают (см., например, хрестоматийную статью Виктора фон Гебсаттеля «Мир компульсивного» – *Гебсаттель*, 2001).

Обобщая сказанное, можно вслед за Э. Кречмером установить своеобразную обсессивно-компульсивную пропорцию (как известно, он выделил «диатетическую пропорцию» настроения у циклоидов и «психестетическую пропорцию» сверхчувствительности/бесчувственности у

пизоидов) – и это будет именно пропорция между рационалистическим педантизмом и иррациональной магией¹.

Так, Отто Фенихель пишет:

«Мышление имеет для компульсивных невротиков особую ценность, что часто заставляет их очень высоко развивать свой интеллект. Однако их высокий интеллект наделен архаическими чертами, он преисполнен магией и суеверием. Эго у них расщеплено: одна его часть логическая, другая – магическая. Защитный механизм изоляции делает возможным поддержание такого расщепления. <...>

Симптоматика компульсивных неврозов исполнена магическими суевериями, такими, как компульсивные прорицания и жертвоприношения. Пациенты советуются с предсказателями, держат пари с Богом, боятся магического воздействия чьих-то слов, действуют, словно верят в существование призраков, демонов, и особенно – в злонамеренную судьбу, и в то же время остаются интеллигентными людьми, полностью сознающими абсурдность подобных представлений» (Фенихель, 2004, с. 392, 394-395).

3. Аккуратность и садизм

На первый взгляд, как бы там ни было, ответ на заданный выше вопрос – о природе связи педантизма и магии – вроде бы, напрашивается сам собой. Точность исполнения действия так же важна в компульсивных ритуалах и суевериях, как и в бытовом педантическом поведении компульсивных людей. Иначе говоря, если не соблюсти точного до педантизма исполнения всех мельчайших подробностей ритуала, то он не будет иметь силы. Например, при совершении заговора или заклинания важно соблюсти точную формулу и произнести ее определенное количество раз². Отто Фенихель приводит интересный клинический пример на этот счет:

«Рассмотрим простой пример нарастания симптоматики. Пациент компульсивно избегал числа три. Это число подразумевало для него сек-

---

¹ Данная статья во многом продолжает наше изучение обсессивно-компульсивного расстройства и характера, предпринятое в работах (Руднев, 2000а; 2001); см. также соответствующие главы книг (Руднев, 2002; 2005а) Поэтому нам придется по-неволе заимствовать иногда часть материала из указанных публикаций.

² Связь заговоров и заклинаний с компульсивным миром подробно обоснована нами в работе (Руднев, 2000а) и соответствующей главе книги (Руднев, 2002); там же подробно развивается тема определяющей, поистине универсальной роли числа при обсессиях и компульсиях (о важности чисел для компульсивных людей писал уже Эуген Блейлер в знаменитом «Руководстве по психиатрии» на заре XX века (Блейлер, 1993)).

суальность и наводило на мысли о кастрации. Он обычно делал всё четыре раза, чтобы быть уверенным, что избежит проклятого числа. Несколько позже пациент почувствовал, что четыре слишком близко к трем, в целях безопасности он начал предпочитать число пять. Но пять – нечетное число, поэтому плохое. Оно было замещено числом шесть. Шесть – это два раза по три; семь – нечетное число. Пациент решил остановиться на числе восемь и считал его благоприятным в течение ряда лет» (*Фенихель*, 2004, с. 401).

А вот в заговоре:

Эти *девять* сильны против *девяти* ядов.

Змей заполз, убил он человека;

тогда Водан взял *девять* веток славы,

так поразил он змея, что тот разбежался на *девять* (частей).

<...>

Это противостоит боли, поражает яд,

это сильно против *тридцати трех*,

против руки врага и внезапного приступа,

против колдовства мелкой нечисти.

Теперь эти *девять* трав сильны против *девяти*

убегających от славы

(фрагмент взят из книги (*Топорова*, 1996, с. 145)).

А вот как описывает магический обряд Джеймс Фрэзер в «Золотой ветви»:

«Если, к примеру, колдун желает вызвать у своего врага головную боль, то он делает его фигурку из теста и, прежде чем бросить ее в печь, прокалывает ей гвоздем голову. Но предварительно он должен воткнуть в фигурку обрывок одежды своей жертвы. Если он хочет, чтобы его жертва сломала руку или ногу, то отрывает у фигурки соответствующую конечность. Если он желает, чтобы жертва страдала от непрерывной боли, то целый день бьет ее металлическую фигурку молотком на наковальне, приговаривая: «Как этот молоток бьет по наковальне, не останавливаясь весь день, так пусть несчастье преследует того-то и того-то всю жизнь». Так же поступают и с бумажными фигурками, прокалывая их гвоздями с колючками, или отрывая конечности. Чтобы жертва страдала всю жизнь, колдун, в конце концов, зарывает фигурку на кладбище, скотобойне, бросает ее в печь или колодец. Если фигурка брошена на дно реки, жертва будет непрерывно дрожать от холода; если же она погребена в печи, то жертва будет постоянно пылать от гнева. Если фигурка просто зарыта в землю, не будучи повреждена или проколота, жертва просто медленно умрет. Если фигурка представляет собой статуэтку, то достаточно того,

что ее сделает колдун и произнесет над ней соответствующее заклинание; но если фигурка сделана из бумаги, то она должна быть сделана писцом, который наносит на тело и конечности каббалистические формулы» (Фрэзер, 1998, с. 15-16).

Однако в чем смысл этого магического педантизма и как он связан с такими фундаментальными характеристиками обсессивно-компульсивных, как их анальные истоки, в частности, анальный садизм; иначе говоря, как связана аккуратность и чистоплотность с анальностью? Одними разговорами о «реактивном образовании», то есть образовании идей, противоположных исходным, — изначально грязный, анальный становится педантичным чистюлей, а садистично-жестокий делается добрым и мягким — (ср.: «...упорную рациональность обсессивной личности можно рассматривать как реактивное образование против суеверного магического мышления, которое не полностью скрыто обсессивными защитами» (МакВильямс, 1998, с. 367)), тут явно не отделаться. Возникает вопрос: «А почему так происходит?»

Так, например, уже в приведенной цитате из Фрэзера видна садистичность магии. Вот еще более жестокий фрагмент:

«Если человек желает вызвать боль, болезнь и смерть другого, он идет к знахарю, имеющему этот фетиш, и, заплатив ему, пронзает гвоздем или ножом то место, в котором желает вызывать боль у своего врага. Удар ножом в жизненно важную часть приводит к мучительной смерти врага этого человека; укол гвоздем в плечо, локоть или колено вызывает острую боль в этом суставе и показывает, что человек не желает убить своего врага, а хочет вызвать у него ревматизм, нарывы или подобные недуги» (там же, с. 17).

4. Анальное, слишком анальное

Анально-садистические истоки компульсивных общеизвестны. Однако, каким именно образом садизм связан с пунктуальностью, пока не представляется выясненным. Здесь мы должны обратиться к *метаспсихологическим основам* психоаналитического понимания обсессивно-компульсивных расстройств. Известно, что при Obsessive-Compulsive Disorder огромную роль играет отцовское Суперэго. Оно является источником как педантизма, так и садизма, а в определенном смысле и магии. Обсессивный невроз — это «отцовский невроз», так как именно отец, в первую очередь, начинает играть все большую роль в жизни ребенка после прохождения им орального периода, когда основополагающую функцию для младенца выполняла мать и материнская грудь. Именно от отца исходят команды и запреты, которые к исходу Эдипова комплекса становятся командами и запре-

тами Суперэго. Но obsessивное отцовское Суперэго имеет по преимуществу анально-садистский характер. Отец, а не мать в большинстве случаев приучает ребенка пользоваться горшком, приучает его к туалетной морали. Именно отец, будущее Суперэго, заставляет педантично опорожнять кишечник в одно и то же время, откуда и происходит анальная фиксация и дальнейшее развитие невроза навязчивых состояний. В этом и состоит соотношенность анальности и педантизма – команда отца-Суперэго звучит примерно так: «Испражняйся в одно и то же время».

Но почему так необходимо испражняться в одно и то же время? На этот вопрос можно ответить, используя социальный и биологический аспекты. Социальный аспект заключается в том, что психоаналитическое изучение obsessии и истерии, двух главных «неврозов переноса», началось еще в викторианскую эпоху, эпоху крайней регулярности, косности, ригидности, запретов, аскетизма, пуританства и педантизма. Биологический аспект – в том, что испражнение в одно и то же время соответствует естественному ритмическому распорядку дня ребенка, что считается полезным. Как ребенка приучают к регулярному кормлению, регулярному отходу ко сну, регулярным прогулкам, точно так же его приучают и к регулярному испражнению. Но испражнение – вещь очень сложная. Вот что пишет об этом американский психоаналитик Геральд Блюм:

«Анальная зона приобретает существенное значение в формировании личности, начиная иногда со второго года и вплоть до четырех лет. <...> Помимо разрядки напряжения, стимуляция слизистой оболочки нижнего отдела кишечника при выделении экскрементов дает чувственное наслаждение, сравнимое с сосанием на оральной стадии <...>. Во второй фазе ребенок в большей степени наслаждается задерживанием, чем выделением фекалий. Одна из причин состоит в открытии того, что задерживание тоже может обеспечивать интенсивную стимуляцию слизистой оболочки. Другая причина – в высокой ценности, которую придают взрослые отправлениям кишечника. Если отходы ценятся другими, ребенок предпочитает задерживать, а не «отдавать». <...> Ребенок может утилизировать фекалии в качестве подарка, чтобы продемонстрировать любовь, или сохранять их с целью выражения жестокости по отношению к родителям» (Фрейд подчеркнул, что в своей функции подарка фекалии в культуре олицетворяют деньги, недаром грабитель-медвежатник оставляет возле ограбленного сейфа «кучу» в качестве эквивалента украденного).

Далее, излагая неофрейдистскую точку зрения, Г. Блюм пишет:

«Томпсон чувствует, что следует подчеркивать не удовольствие от экскреции, а борьбу с родителями. Первое время существует острый конфликт между желаниями ребенка и планами родителей. <...>

Салливан связывает анальные функции с влечением к превосходству и стремлением к безопасности. <...>

Развитие мышечной системы, частью которой являются сфинктеры, по мнению Эриксона, предоставляют ребенку большую власть над окружением, выражающуюся в способности – достигать и схватывать, бросать и отталкивать, присваивать вещи и удерживать их на расстоянии. <...>

Предполагается, что анальная фаза также свидетельствует о действительном начале любви к другой личности. Любовь подразумевает стремление сделать другого человека счастливым, что в этот период выражается в готовности ребенка расстаться со своим ценным имуществом, фекалиями, чтобы доставить радость родителям» (Блум, 1996, с. 105-109).

В принципе, с точки зрения современных американских педагогических теорий (идуших, например, от Бенджамена Спока), вообще не имеет смысла заставлять ребенка делать что-либо насильно. Пусть испражняется, когда хочет. Вот что пишет по этому поводу в своем замечательном руководстве «Психоаналитическая диагностика» американский психоаналитик Ненси МакВильямс:

«Ректальный сфинктер начинает выполнять свою функцию приблизительно с 18 месяцев. Следовательно, совершенно губительным является распространенный в начале века среди родителей среднего класса совет – начинать приучение детей к туалету на первом году жизни. Он поощрял насилие во имя родительского усердия и превращал благотворный процесс овладения навыком в борьбу господства и подчинения. Если принять во внимание, насколько популярным в ту эпоху было ставить клизмы маленьким детям – сугубо травматическая процедура, которую, как правило, оправдывают соображениями «гигиены», – станут совершенно очевидными садистические импликации культурно санкционированного рвения в отношении преждевременного анального контроля. <...>

Фрейд доказывал: приучение к туалету обычно представляет собой первую ситуацию, когда ребенок оказывается вынужденным отказаться от того, что для него естественно, в пользу того, что социально приемлемо. Значимый взрослый и ребенок, которого обучают слишком рано или слишком строго в атмосфере мрачной родительской сверхзаинтересованности, вступают в борьбу за власть, и ребенок обречен на поражение. Состояние, когда ребенка контролируют, осуждают и заставляют вовремя исполнять требуемое, порождает у него чувство гнева и агрессивные фантазии – нередко о дефекации, которую ребенок в конечном счете ощущает как плохую, садистическую, грязную и постыдную часть себя. Потребность чувствовать себя скорее контролируемым, пунктуальным, чи-

стым и разумным, чем неподконтрольным, хаотическим, беспорядочным, и ограничивать себя в проявлении таких эмоций, как гнев и стыд, становится существенной для поддержки самоидентичности и самоуважения» (МакВильямс, 1998, с. 361, 362).

А вот что пишет Отто Фенихель на ту же тему:

«Анально-эротические влечения сталкиваются в детстве с тренингом чистоплотности и способ, которым этот тренинг осуществляется, определяет, возникнут ли анальные фиксации. Тренинг может быть слишком ранним, слишком поздним, слишком строгим и слишком либеральным. Если он осуществляется слишком рано, типично вытеснение анального эротизма с последующим страхом и послушанием, а также глубинной тенденцией к бунтарству; если тренинг запаздывает, следует ожидать бунтарства и упрямства. Строгость причиняет фиксацию из-за фрустрации; либидное поведение со стороны матери влечет фиксацию в силу удовлетворения. Однако такое удовлетворение часто ограничено, поскольку мать возбуждает ребенка, но препятствует разрядке возбуждения. Слабительные средства увеличивают зависимость, клизмы порождают сильнейшее возбуждение и тревогу одновременно» (Фенихель, 2004, с. 398-399).

Куда ни кинь, всюду клин! Получается, что от анальной фиксации никуда не деться. Бедные дети! Таким образом, педантизм, которому приучает отцовское анальное Суперэго, оборачивается немотивированным садизмом: «Ты будешь испражняться в одно и то же время, хочешь ты этого или нет, потому что я так хочу». Анальный садизм отца, накладываясь на эдипальную проблематику (а невроз навязчивых состояний носит эдипальный характер, лишь регрессируя к анальной тематике (Фенихель, 2004)), порождает рикошетом ответный садизм ребенка по отношению к отцу, желание его убить. В компульсивном варианте это желание продиктовано не только стремлением устранить соперника по любви к матери, но и отомстить анальному садисту-педанту.

Как же все это связано с компульсивной магией?

Согласно Шандору Ференци, ребенок в анальный период обладает галлюцинаторным (и не только) всемогуществом (знаменитая статья «Ступени развития чувства реальности» (Ференци, 2000)). Он сам решает – отдать ему анальный подарок родителям или удержать его. В этом кроется обсессивное упрямство, о котором как об одной из основных черт «анального характера» писал Фрейд в статье «Характер и анальная эротика» (Фрейд, 1999). Анальная магия, носящая, по Дж. Фрэзеру, имитативный характер, также осуществляется в отождествлении фекалий с пенисом, а пениса – с ребенком (о чем подробно Фрейд писал в работе «Торможение, симптом и страх» (Freud, 1981)).

Здесь уместно спросить, почему ребенка заставляют опорожнять кишечник регулярно, в то время как опорожнять мочевой пузырь можно когда угодно? Этот риторический вопрос заставляет подумать еще раз (см. *Руднев, 2000а*) о соотношении двух универсальных психоаналитических неврозов – обсессии и истерии. Если обсессия связана с анальностью, то истерию многие психоаналитики увязывают с мочеиспусканием (*Фенихель, 2004; Блум, 1996*). Контролировать мочеиспускание гораздо сложнее. Дети гораздо чаще мочатся в постель, чем страдают «медвежьей болезнью». Таким образом, мочеиспускание, «разрешение свободно струиться» (*Блум, 1996*), отдается на откуп истерическому, природному, в противоположность обсессивно-анальному, культурному. В принципе истерию и обессию можно рассматривать как два универсальных механизма, действующих в культуре: природно-попустительский и дискретно-запретительный.

5. «Нас мыть и мыть, и мыть...», или: от ананкаста к маньяку

Но вернемся к проблематике соотношения педантизма, садизма и магии при обсессивных расстройствах.

Начнем с того, что произведем отождествление между педантизмом (сверхаккуратностью) компульсивных и чистотой. Действительно, мезофобия, боязнь загрязнения, с бесконечным мытьем рук, чрезвычайно характерна для компульсивных.

Приведем еще один пример из книги Леонгарда, которую мы цитировали в начале нашего исследования:

«У Т. появился навязчивый страх туберкулезных бацилл. <...> Круглые сутки ее преследовали навязчивые состояния. С утра до вечера она занималась стиркой, но все же не могла добиться желаемой чистоты. Дом у нее был полон всевозможных тряпок и тряпочек, каждая из которых имела специальное назначение. К дверным ручкам Т. иначе как через тряпочку не прикасалась (ср. о невозможности прикосновения к «грязному» табу, например, к менструирующей женщине, в книге Фрейда «Тотем и табу» (*Фрейд, 1998*). – В. Р.). <...>

Особенно скверно на нее влияла хорошая погода: в солнечные дни она считала необходимым уничтожать бациллы туберкулеза, которые могли находиться на белье, при помощи солнечных лучей. Уже с ночи она начинала собирать все белье, чтобы при появлении первых же лучей солнца развесить его на дворе. Состояние обследуемой особенно ухудшилось, когда ей нужно было выйти на улицу, страх прийти в соприкосновение с бациллами в эти моменты возрастал во много раз. Увидя где-либо пятна крови, Т. на большом расстоянии обходила это место, и тем не

менее страх, что бактерии «перешли на нее из крови» (ср. о «заразительности» табу, о том, что прикоснувшийся к табу сам становится табу в упомянутой книге Фрейда. – В.Р.), не удавалось подавить. Ее преследовали воображаемые картины кровавой мокроты больных туберкулезом и все чаще ей мерещились на асфальте и стенах домов видоизменения в окраске, вызванные, якобы, кровью. В конце концов, она стала выходить на улицу лишь в случае крайней необходимости» (Леонгард, 2000, с.112).

Связь чистоты с аккуратностью и педантизмом, а грязи с неаккуратностью и анальностью очевидна. Точность мы отождествляем с чистой. Мы говорим «эта работа сделана удивительно чисто», имея в виду точность, аккуратность ее исполнения. И наоборот, существует выражение «грязный стиль», под которым имеется в виду неточный, неаккуратный, не соответствующий каким-то нашим стандартам стиль. Сходные примеры приводит В. фон Гебсаттель. Он говорит о выражении «стрелять чисто» в значении «стрелять точно»; «неточность переживается ананкастом как загрязнение» (Гебсаттель, 2001, с. 293, 295). Ананкаст, замечает В. фон Гебсаттель, «сгибается под тяжестью загрязнения из-за своей застойной, заторможенной жизни» (там же, с. 297). Здесь же автор пишет следующее:

«Сам по себе очистительный процесс пачкает, загрязнение распространяется, с одной стороны, в пространстве (на одежду), с другой стороны, во времени, переходя от одного момента к следующему и захватывая весь день» (там же, с. 293).

Это соответствует положению антропологов о заразительности табу, которое Фрейд приводит в своей книге «Тотем и табу»:

«Навязчивым запрещением свойственна огромная подвижность, они распространяются какими угодно путями с одного объекта на другой и делают этот новый объект, по удачному выражению одной моей больной, «невозможным». Такая невозможность, в конце концов, охватывает весь мир. Больные навязчивостью ведут себя так, как будто бы «невозможные» люди и вещи были носителями опасной заразы, способной распространиться посредством контакта на все, находящееся по соседству. При описании запрещений табу мы отмечали способности к заразе и к перенесению. Мы знаем также, что тот, кто нарушил табу прикосновением, сам становится табу, и никому не следует приходить с таким человеком в соприкосновение» (Фрейд, 1998, с. 48).

В. фон Гебсаттель также соотносит загрязнение у ананкастов с невозможностью компульсивно расстаться с прошлым, а очищение связывает с ориентацией в будущее. «Жизнь, – говорит он, – самоочищается через преданность силам будущего», и «здоровая жизнь очищается от прошлого»

(Гебсаттель, 2001, с. 294, 296). Грязь (полная захваченность прошлым) ассоциируется также со смертью, «мертвечиной» (там же, с. 297). Можно сказать, что «грязь» ананкастов это энтропия, погружение в прошлое, а очищение – это информация, ориентация в будущее. Невозможность для обсессивной личности перешагнуть через прошлое делает его модель времени цикличной. Если в случае истерического невроза мы имеем отказ от прошлого и его фальсификацию, то в случае обсессивно-компульсивного невроза имеет место символическое повторение прошлого. В случае истерии имеет место отказ от прошлого, в случае навязчивого невроза – решительный отказ от будущего. Как отмечалось уже многими, особенностью обсессивно-компульсивного поведения и восприятия реальности выступает непреодолимая трудность, связанная со становлением во времени.

«Общим следствием такой склонности, – пишет Фриц Риман, – является стремление все оставить по-прежнему. Изменение привычного состояния напоминает о преходящем, об изменчивости, которую личность с преобладанием навязчивостей (обсессивные) хотела бы по возможности уменьшить. <...>

Когда что-либо изменяется, они расстраиваются, становятся беспокойными, испытывают страх, пытаются отделаться от изменений или ограничить их, а если они происходят – помешать им. Они противостоят тем изменениям, которые с ними происходят, занимаясь при этом сизифовым трудом, так как все мы находимся в потоке событий, “все течет и все изменяется” в непрерывном возникновении и исчезновении, и никто не может остановить этот процесс» (Риман, 1998, с.166-167).

Еще более выразительно с экзистенциально-клинической позиции пишет об обсессивно-компульсивном восприятии времени В. фон Гебсаттель:

«За этим феноменом (навязчивый запах собственного тела у пациента, о котором говорит автор. – В. Р.) стоит неспособность Н. Н. направить поток энергии в русло выполнения задач, ориентированных на саморазвитие, и таким образом очистить себя от энергии стагнации. Эта неспособность – реальное нарушение, возможно, связанное с эндогенным депрессивным подавлением. В любом случае очевидно препятствие, блокирование течения жизни. К тому же, нарушается темпоральность жизни – развитие блокируется, прошлое остается зафиксированным. Эта фиксация может переживаться как загрязнение, которое у человека выражается в беспокойстве о запахе, исходящем от тела.

<...> Ананакстический пациент не только не может сдвинуться с места, но он полностью захвачен прошлым с помощью символов нечистого, испачканного и мертвого (Гебсаттель, 2001, с. 294, 297).

Начиная какое-то действие или описание, ананкаст не может сдвинуться с места, поворачивает назад, делает шаг вперед и вновь поворачивает назад. Такая стратегия поведения прекрасно выражена в следующем характерном фрагменте рассказа Д. Хармса:

«Дорогой Никандр Андреевич! Получил твое письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал, сразу понял, что от тебя, а то, было, подумал, что оно не от тебя. Я рад, что ты уже давно женился, потому что когда человек женится на том, на ком он хотел жениться, то значит, он добился того, чего хотел. И вот я очень рад, что ты женился, потому что когда человек женится на том, на ком он хотел, то, значит, он добился того, чего хотел. Вчера я получил твое письмо и сразу подумал, что это письмо от тебя, но потом подумал, что кажется, что не от тебя, но распечатал и вижу – точно от тебя». (И так далее.)

Из всего сказанного и процитированного ясно, что обсессивно-компульсивная личность не может реализовать и использовать обыденную линейную модель времени и использует циклическую модель, связанную с постоянным повторением. В известном смысле это уходит корнями в мифологическую традицию. Однако следует заметить, что привычный для исследователей мифологического времени аграрный цикл, связанный с культом бога плодородия, умирающего и воскресающего, здесь не подходит, поскольку в обсессивно-компульсивном времени ничто не умирает и, тем более, ничто не воскресает. Здесь, скорее, определяющую роль играет магическая сторона обсессивно-компульсивного характера, которая позволяет провести аналогию между повторяющимся временем ананкаста и временем малого ритуала типа заговора или заклинания. В повторяющемся времени заговора нет той катарсической силы, которая имеет место в аграрном цикле – в заговоре повторяется много раз, причем автоматически, без всяких изменений, сама заговорная формула. Здесь именно чистое повторение обретает заклинательную силу.

Мирча Элиаде в своей знаменитой книге «Миф о вечном возвращении» пишет:

«...повторение наделяет событие *реальностью*. События повторяются, потому что они подражают архетипу: образцовому событию. Кроме того, путем повторения время прерывается или, в крайнем случае, смягчается его разрушительный характер» (Элиаде, 1998, с. 139).

Педантически подразумевается и указывается, что только повторенное *определенное* количество раз заклинание будет иметь магическую силу. В этом смысле можно сказать, что ананкастическое время, теряя признаки естественного времени, превращается в чистое механическое время,

не подверженное ни второму началу термодинамики, как время циклоида, ни эсхатологическому становлению, как время шизоида (подробно см. главу «Шизотипическое время» книги (Руднев, 2004)), и в определенном смысле не имеющее начала и конца. Обсессивная мысль и компульсивное действие, можно сказать, автоматически повторяются, как маятник сломанных часов, которые показывают всегда одно и то же время.

Заканчивая разговор об обсессивно-компульсивном времени и вспоминая анальные истоки обсессивно-компульсивного, мы не можем не процитировать шокирующе-биологизаторскую, но по-своему очень верную цитату из книги Фрица Перлза:

«Наш образ мышления детерминирован нашей биологией. Ротовое отверстие находится спереди, а анальное сзади. Эти факты каким-то образом имеют отношение к тому, что мы собираемся есть или с чем встречаться, а также к тому, что мы оставляем позади и испражняем. Голод, несомненно, имеет какое-то отношение к будущему, а испражнение к прошлому» (Перлз, 2000, с. 125).

Здесь противопоставление между орально-депрессивным (бессмысленно текущие дни из прошлого в будущее) и анально-компульсивным (невозможность выбраться из прошлого, из «испражнений») получает дополнительную психоаналитически-биологизаторскую окраску.

Итак, ясно, что грязь связана с анальностью. Фенихель приводит следующий пример:

«Пациентка страдала сильной фобией грязи и весь день оставалась в кровати, когда считала грязной свою одежду или комнату. Страх грязи в такие дни вообще не позволял ей покидать кровать, и в результате она действительно доходила до того, что пачкала кровать» (Фенихель, 2004, с. 354).

Но грязь для компульсивных также теснейшим образом связана с сексуальностью. Пациент Вячеслава Цапкина, по его устному сообщению, отождествлял грязь, которая находится на полу, по метонимическому соотношению, с «половой грязью». Позвольте мне также привести пример.

Г-жа С., молодая девушка 23-х лет, обсессивно-компульсивная, студентка философского факультета, пригласила в дом своих родителей пожить на несколько дней своего друга, в которого она, по ее словам, была влюблена. Однако, по ее представлениям, они с другом должны были спать в разных комнатах. Родители пациентки, так как это им было по бытовым причинам неудобно, купили для гостя раскладушку и сообщили об этом дочери. Она была крайне недовольна. Когда же отец, озабоченный тем, что его взрослая уже дочь «засиделась в девках», полушутливо сказал жене, что, дескать, теперь они хотя бы «потрахаются вволю», жена ему

ответила, что имела на этот счет разговор с дочерью, которая заявила, что «этот путь не для них», что секс – это грязное дело и к любви не имеет никакого отношения. По ее словам, ее друг разделял ее мнение.

Ненси МакВильямс пишет в своем руководстве:

«Человек, с которым я проводила первичное интервью, на вопрос о характере его сексуальных отношений с женой мрачно и с нажимом ответил: “Эту работу я выполняю”» (МакВильямс, 1998, с. 364).

Почему же компульсивные относятся к сексу с таким отвращением? Потому что секс связан для них с анальной сферой, например, с анальной мастурбацией, к которой часто прибегают маленькие дети на соответствующей стадии психосексуального развития, отчего у них действительно становятся грязные и дурно пахнущие руки (о связи компульсивности с дурным запахом см. также упоминавшуюся уже статью (Гебсаттель, 2001)). Фенихель также пишет по этому поводу:

«Физиологическая разрядка сексуальной активности пациентов не является адекватной разрядкой сексуального напряжения, которое реально выражается в их представлении о жестокости и грязи <...> Некоторые компульсивные невротики воспринимают сексуальность только в анальных понятиях, будто она сводится к туалету» (Фенихель, 2004, с.357, 361).

Фрейд в статье «Характер и анальная эротика» пишет что «акт дефекации доставляет им удовольствие» (Фрейд, 1998а, с. 185). Удовольствие от дефекации, наслаждение от дефекации и формирует анально-компульсивный характер и невроз навязчивых состояний. В дальнейшем, благодаря реактивному образованию, весь этот анально-сексуально-садистический комплекс начинает вызывать у взрослого компульсивного человека отвращение. Отсюда отвращение к сексу.

К анальности закономерно примешивается садизм. Возможно, что здесь также играет роль садистское истолкование ребенком «первосцене». Когда он наблюдает за половыми сношениями родителей, ему кажется, что отец совершает садистское насилие над матерью (одна из первых работ, посвященных первосцене, – большая статья Фрейда о так называемом Человеке-Волке (Фрейд, 1996))³. Фрейд также отмечал, что скупой ассоциируется с грязным, а компульсивные – чрезвычайно скупы. Деньги для них, как известно, это эквивалент фекалий, которые можно подарить в качестве первого сокровища родителям, но можно и удержать, отсюда запоры как метонимия скупости, то есть нежелания что-либо отдавать (Фрейд, 1998а).

³ Выше мы уже отмечали, что эдипальная проблематика благодаря регрессии при компульсивном неврозе истолковывается в анально-садистических понятиях.

Каким же образом чистота как эквивалент аккуратности и педантизма связана с магией? Чистота – это антианальность, антисексуальность, антисадизм. Весьма условно можно сказать, что магия разделяется на «черную», сопряженную с садизмом, в частности убийством (в начале этого исследования мы приводили цитату из Фрэзера о садистичности магии), и «белую», связанную с лечением, когда, например, делается заговор на лечение каких-либо органов тела или болезней.

Если следовать логике фрейдовского «Тотема и табу», «черная магия», желание смерти отцу, королю, священнику⁴, привела однажды к убийству членами первобытной орды общего отца и ритуальной трапезе его поедания (Фрейд, 1998). Примерно такую же роль играет анальное всемогущество мыслей: «Я подумал, что он умрет, и он умер». Почему всемогущество мыслей с садистическим оттенком анально? Это связано с идеей того, что фекалии «исчезают» в унитазе, как полагает ребенок. Уничтожение фекалий = анальный садизм = тяга к убийству. Мы говорим: «грязный убийца», «грязный преступник», «грязная личность». Всякий ли садизм имеет анальные истоки? По-видимому, да. (Впрочем, возможен, по-видимому, фаллически-нарциссический (термин Вильгельма Райха (Райх, 1999)) садизм, но это, скорее, не садизм, а просто сильная агрессия – убить, как *проткнуть*; такого рода агрессия, возможно, имеет место на войне, где она садистически-анально не окрашена.) Отсюда можно сделать шаг к садистам-убийцам, маньякам, которые, как известно, чрезвычайно пунктуальны! Они совершают свои преступления либо в точном соответствии со строго продуманным ритуалом, либо каждый раз иначе, но тогда с педантично продуманной системой. Примером может служить известный фильм «Семь», где маньяк убивал жертву одну за другой, каждая из которых олицетворяла один из семи смертных грехов; тот же тип преступника мы видим в романе Александры Марининой «Седьмая жертва» (характерно компульсивное оперирование числом). Конечно, педантичные (кстати, чаще всего сексуальные) маньяки убийцы-садисты не являются компульсивными невротиками. Это тяжелые психотики с выраженным obsессивно-компульсивным радикалом.

Переходя к следующему параграфу, приведем слова Ганнушкина: «Ананкастичность есть проявление педантизма, только перешедшее уже известную грань». Именно эта трансгрессия, переход через границу, и есть мистицизм, магичность ананкастов.

---

⁴ С описания того, как ритуально убивали царей, начинается, как известно, огромное исследование Дж.Фрэзера «Золотая ветвь» (Фрэзер, 1985).

6. «Как прекрасен этот мир»: магия ананказмов и суеверий

Позвольте мне привести еще одну клиническую иллюстрацию.

Г-н *D.*, филолог, 42-х лет, родился в музыкальной семье (его старший брат работает скрипачом в симфоническом оркестре); Г-н *D.* с детства обожал музыку и довольно хорошо ее знал, хотя не играл ни на одном инструменте; страдает шизотипическим расстройством личности с выраженными обсессивно-компульсивными констелляциями. Примерно с 39 лет, после перенесения тяжелой агитированной депрессии с бессонницей или укороченным сном г-н *D.* начал переживать мучительные музыкальные ананказмы: в его голове все время звучала музыка – либо большие фрагменты классических произведений западных композиторов, либо, что было самое мучительное, «навязчивое повторение» обрывка одной и той же музыкальной фразы. По принципу «реактивного образования», вместо Баха и Шопена могли звучать обрывки советских песен «Подмосковные вечера», «Сняла решительно пиджак брошенный...», «Как прекрасен этот мир, посмотри...» и т. п. И вот как-то г-н *D.* сказал одну фразу, примерно такую: «Стоит мне только подумать – и оно возникает». Он имел в виду следующее: стоило ему подумать о музыкальной фразе, как она тотчас возникала в его голове. Мне кажется, это может бросить еще один луч на механизм соотношения ананказма и магии. С одной стороны, мы здесь имеем хрестоматийное, хотя и на уровне одного сознания, «всемогущество мыслей» («*стоит мне подумать* о чем-то, как ...»). С другой стороны, здесь происходит нечто вроде магической материализации мысли («...оно *возникает*»). Он случайно думал о какой-то музыкальной фразе, она сразу возникала в его голове, навязчиво повторялась, разрасталась, иногда обростала какими-то дополнительными ассоциациями; потом, чтобы как-то отвязаться от нее, он мог начать ее напевать, или пытаться «сбить» другим музыкальным мотивом, более приемлемым – в обсессивном духе музыкальные мотивы делились на «приятные» и «неприятные»; к приятным, естественно, относилась классическая музыка, лучше, если чисто инструментальная, к неприятным – советские песни с ненавистными кондовыми словами.

В чем же здесь *механизм* магии, и как она связана с «педантизмом» навязчивого повторения?»

У Антона Кемпинского в книге «Психология шизофрении» есть такая фраза:

«Чертой магии является непропорциональное взаимоотношение причины и следствия; малое усилие – движение руки, произнесение проклятия – дает непредвиденный эффект» (*Кемпинский*, 1998, с. 156).

Развивая мысль Кемпинского, российский психолог П.В.Волков пишет: «Нажатие маленькой ядерной кнопки и в результате гибель или спасение целой страны – таким возможностям техники позавидовала бы любая магия. Гомономонность навязчивых ритуалов, магических процедур и технических операций – вопрос, возможно, менее абсурдный, чем кажется на первый взгляд» (Волков, 2000, с. 183).

А вот что пишет по этому поводу Александр Сосланд:

«Чудо может быть рассмотрено, как некое радикальное событие, противоречащее неким законам природы, при минимальном количестве энергии, на это событие затраченном. Чем более «энергоемкое» явление и чем меньше усилие, затраченное на это явление, тем чудо, скажем так, значительнее. Взмах волшебной палочки, сдвигающий горы, трение старой лампы, вызывающее джинна, исполняющего любые желания, – вот примеры несоответствия усилия и последствия. <...>

В пространстве глубинно-психологического дискурса такие связи восходят к описанному Ш.Ференци феномену инфантильного всемогущества (Ференци, 2000). Этот феномен маркирует одноименную стадию инфантильного развития. Ребенок в некий период начинает понимать, что он может управлять миром посредством своего голоса. По его крику ему предоставляют грудь, меняют мокрое белье, берут на руки, меняют игрушку и т.д. Переход от состояния мнимого всемогущества к реальному восприятию своих ограниченных возможностей – дело длительное и болезненное. Отчасти такая адаптация происходит через восприятие сказочных образов волшебных предметов, таких, как сапоги-скороходы, скатерть-самобранка, ковер-самолет. Речь идет о предметах, связанных с одной очевидной закономерностью: при минимальных затратах – максимальный эффект» (Сосланд, 2005).

Магия «ядерной бомбы» – это впечатляет («Только подумаешь – и оно сразу возникает»). Оно возникает из одной точки⁵ и разрастается до невероятных размеров. Человек прокалывает, в строго определенном месте, фигурку из воска гвоздем (таких примеров примитивной магии = навязчивого ритуала (Фрейд, 1998; 2002) сколько угодно, например, в той же «Золотой ветви» (Фрэзер, 1985; 1998)) – и совсем в другом пространстве, где-то за тысячу километров другой человек умирает. Недаром эта

---

⁵ Сравним этимологическое родство слов «точка» и «точный» – точка должна быть в определенном месте точно, «педантично» зафиксирована, недаром говорится «попасть в самую точку» (!); из немецкого *punkt* (точка) возникло слово *пунктуальный* (!); Макс Фасмер также пишет о соотносительности слов *точка*, *точный* и *ткнуть* и в этой связи о половом акте: *ткнуть*, то есть проникнуть внутрь (Фасмер, 1996, IV, с. 90)).

магия называется гомеопатической: она маленькая, *точечная*, но зато какая *точная* и какая эффективная!

Итак, из «педантичной» точки в маленьком пространстве «здесь» (нажатие кнопки, прокалывание восковой фигурки гвоздем) вырастает огромное, как правило, гибельное следствие (смерть человека, ядерный взрыв с гибелью миллионов людей). В чем же здесь имитационная магия? В том, что «как только подумаешь, оно сразу возникает». Гомеопатическая магия работает как *метафора*. Магия, в сущности, это и есть материализованная метафора; точнее, имитативная магия – это метафора, контагиозная магия – метонимия (ср. мысли Р.О.Якобсона и Ж.Лакана об универсальности категорий метафоры и метонимии (Якобсон, 1985; Лакан, 1997)). За примерами опять-таки обратимся все к той же «Золотой ветви»:

«Они ... подогревали на медленном огне сделанное из воска изображение короля. Их замысел состоял в том, чтобы подобно тому, как медленно плавился воск, король, исходя потом, постепенно бы чахнул, а когда бы воск совершенно растаял, дыхание покинуло бы короля, и он бы умер» (Фрэзер, 1998, с. 23).

«В Уэльсе древний метод лечения желтухи заключается в том, чтобы положить золотую монету на дно оловянной кружки, наполнить ее прозрачным медом и просить больного посмотреть в нее, не выпивая мед. Это необходимо делать, повторяя без ошибок восемь раз подряд Отче Наш» (*там же*, с. 26).

Вот еще очень интересная магическая метафора:

У дусунов из районов Туаран и Темпассук Британского Северного Борнео «когда мужчины вступают на тропу войны, женщины не должны ткать, иначе их мужьям не удастся спастись от врага, потому что они не будут знать, в каком направлении бежать. Разнонаправленные движения челнока во время ткачества представляют неуверенные движения человека, бегущего, спасаясь от врага, то в одну, то в другую сторону» (*там же*, с. 46).

А вот это скорее метонимия:

«Когда мужчина находится на охоте, его жена воздерживается от половых сношений с другими мужчинами (как трогательно! а когда он дома, значит, можно? – В.Р.) и должна быть внимательна, чтобы никого не убить; даже поймав паразита, она должна его выбросить, не убивая. Она не может допустить, чтобы за ее спиной прошел какой-нибудь мужчина, и предупреждает его держаться впереди нее. Если же она пренебрегает какой-либо из этих предосторожностей, шансы ее мужа добыть дичь на охоте сводятся к нулю» (*там же*, с. 31).

И далее:

«Старый Макхани заверял меня, что невоздержанность жены, находящейся дома, приведет к тому, что на ее мужа нападет дикий зверь или он будет убит далеко в глуши. Кроме того, такие женщины должны соблюдать определенные правила в своей повседневной жизни. Они должны смазывать пол хижин только рано утром или поздно вечером, когда их мужья не заняты охотой; и тогда с ними будет все в порядке. Таким образом, поведение жены оказывает влияние на поведение мужа» (*там же*, с. 31).

7. От навязчивости к бреду

Магия – это оказание какого-то воздействия на судьбу, то есть на цепь, якобы, случайностей, которые на самом деле оказываются необходимостью. Слово *необходимость*, принадлежащее алетической модальности, похоже на слово *точность*. Сравним: «Он *точно* придет» и «Он с *необходимостью* придет». Также здесь имеется сходство с деонтической модальностью – нормы: «Он *точно* придет» значит, что он *должен* прийти, – и также сходство с аксиологической модальностью ценности («хорошо – плохо»): «Он *должен* прийти, значит, он *хочет* прийти» (кстати, именно такова логика ананкаста: «Я *должен* хотеть»).

Как же ананкасты влияют на судьбу? Они делают это при помощи своеобразного гадания. Код ананкаста – бинарный код: налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь – полцарства найдешь. Вспомним г-на В., у которого была два лифта – счастливый и несчастливый. Если ананкаст встречает женщину с полным ведром, значит, можно идти вперед, если с пустым – он возвращается. Чаще всего он склонен возвращаться, так как стратегия компульсивного это стратегия непринятия решения, «блокирующая будущее», как мы видели выше, цитируя статью В. фон Гебсаттеля «Мир компульсивного».

Аарон Бек и Артур Фримен пишут в своем руководстве:

«Так как в жизни много неопределенного, часто лучший выбор для такого человека – ничего не делать. <...> Среди характерных черт компульсивного выделяются дихотомическое мышление, тенденция придерживаться подхода «все или ничего» и выносить бескомпромиссные суждения. Именно эта тенденция лежит в основе ригидности, перфекционизма и склонности к промедлению у навязчивого человека. Из-за этого примитивного глобального стиля мышления навязчивый человек видит только черное и белое и не воспринимает доступных другим людям оттенков. <...> При дихотомическом мышлении несовершенное решение по определению является неправильным и, являясь таковым, недопустимым» (Бек, Фримен, 2002, с. 432).

Вспомним также склонность компульсивного человека во всем видеть знаки, примеры чего уже приводились выше. Мир полон примет. Пустое ведро или полное – знак того, можно идти или нельзя. В частности, это и означает, что семиотика обсессивно-компульсивного носит деонтический характер, существуя в режиме *можно, нельзя* или *должно*.

Для обсессивного сознания констатация «Это стол» может означать либо нечто позитивное, либо нечто негативное. Например, видя стол, он, может начать навязчиво повторять: «Где стол был яств, там гроб стоит». Тогда стол для него окажется знаком чего-то неблагоприятного, напоминанием или предостережением о смерти или о том, что еда – лишь путь к смерти. (Вообще, письменный стол – довольно важный навязчивый объект в глазах компульсивного человека, особенно если тот принадлежит к людям умственного труда. Известно, что разборка письменного стола, раскладывание всего его содержимого по местам может заменить для компульсивного самую работу, поскольку для такой деятельности в принципе, как показал фон Гебсаттель, практически невозможно какое-то позитивное становление.)

Таким образом, семиотика обсессивно-компульсивного сознания имеет много вещей, но мало значений. В сущности, все сводится к двум из них: «благоприятно» и «неблагоприятно». И, в чем мы неоднократно уже имели возможность убедиться, она мистически-рационалистична, поэтому традиционно считается мужской и, добавим, левополушарной семиотикой. В отличие от нее, истерическая семиотика – эмоции и желания – традиционно считается женской (и, стало быть, правополушарной). Из этого можно сделать нетривиальный вывод, то есть, скорее, выдвинуть гипотезу, что нормы закреплены за левым полушарием, а желания и эмоции – за правым, что, в общем, соответствует представлениям о работе полушарий, развитым в трудах Л.Я.Балонова, И.Б.Деглина и их учеников (Деглин, Баллонов, Долинина, 1983).

Оба типа невроза связаны с избеганием осуществления желания, но обсессивно-компульсивный это делает напрямую, путем механизма изоляции аффекта (как установил Фрейд в работе «Торможение, симптом и страх» (Freud, 1981)), в то время как истерический механизм защиты – вытеснение – работает в режиме наращивания аффекта. При этом обсессивный изолирует из вещи в событие (пустое ведро – никуда не пойду), а истерик вытесняет из события в вещь (дали пощечину – невралгия лицевого нерва (Брилл, 1999)). Характерно, что событие обсессивно-компульсивного это минус-событие, а вещь истерика это квази-вещь (Руднев, 2002).

Пациентка Людвиг Бинсвангера была шизофреничкой, но на первом этапе ее болезни у нее развился своеобразный навязчивый бред,

который потом уже перешел в сверхценные идеи и превратился в бред преследования. Так вот, Лола Фосс все время испытывала судьбу следующим образом:

«Мало-помалу ее суеверие распространилось на множество ситуаций. Например, если ей случалось увидеть четырех голубей, она истолковывала это как знак, что она может получить письмо, т. к. число четыре (*cuatro*, по-испански) содержит буквы *c-a-r-t* (как в слове *carta* – письмо). Она любила своего жениха, но боялась, что он не женится на ней, если узнает о состоянии, в котором она находилась. С другой стороны, она чувствовала, что ей вообще не следует быть с ним, чтобы ее не захлестнули ее навязчивые идеи. Она объяснила, что это навязчивое стремление «прочесть» что-нибудь во всем истошало ее и тем больше, чем больше она была среди людей. Неохотно и со смущенным смехом она сообщила, что, кроме всего прочего, трости с резиновыми наконечниками имели для нее особое значение. Она всегда поворачивала назад, когда видела джентльмена с такой тростью, т. к. «читала» в ней следующее: «трость» по-испански = *baston*; «оп» наоборот = *no*; «резина по-испански = *goma*; первые две буквы – в английском = *go*. Вместе это равняется «*no go*» что означает «*Don't go on! Turn back!*» (Не ходи дальше! Поверни назад!). Каждый раз, когда она не подчинялась этому распоряжению, с ней что-нибудь случалось. Когда у нее на душе было беспокойно, и она видела кого-нибудь, подпирающего лицо рукой, она успокаивалась. Почему? «Рука» по-испански = *mano* (второй слог – *no*); «лицо» по-испански = *cara*, что напоминало ей английское слово «*care*». Из этого она приходила в «*no care*» (нет заботы), т. е. нет причин беспокоиться, или, по-испански, *no cuidado*. Любое слово, начинающееся с «*car*» в испанском или немецком (*cara*, *carta*, *Kartoffel*) и связанное с чем-то, что означает «нет» (*no*), означает удачу. Все, что содержит слоги «*si*» («да» по-испански) или «*ja*» («да» по-немецки) подразумевает ответ «да» на заданный внутренне вопрос: например, *nar-iz* (нос) – «*is*» это «*si*» наоборот; *ore-ja* (ухо); *si-lla* (стул) и т. д.» (Бинсвангер, 1999, с. 234).

Лола не могла прикасаться к определенным вещам – зонтику, полотенцу, щетке, воде, белью (*там же*, с. 235). Они были для нее табуированы подобно фигурам короля или священника, прикосновение к которым, как это описывает Фрейд, ссылаясь на антропологов своего времени, грозило немедленной смертью (Фрейд, 1998).

«Суеверие, – пишет далее Бинсвангер, – это всегда выражение боязни демонической силы рока. «Цивилизованный житель» Запада, который публично стучит по столу или восклицает «постучи по дереву»,

когда кто-нибудь восхищается его хорошим здоровьем или успехом в бизнесе, подобным образом надеется умолить судьбу остаться к нему благосклонной.

Такое заклинание продиктовано страхом вызова судьбе одним лишь словесным подтверждением своего благосостояния. Следовательно, это действие в то же время представляет собой извинение. Акт заклипания, или формула «постучи по дереву», содержит обращение к судьбе с просьбой не счесть это подтверждение высокомерием, чересчур самоуверенной заносчивостью (*Übermut*). Человек, который использует эту формулу, чувствует присутствие силы судьбы и в то же время верит, что он может повлиять на нее в свою пользу» (*Бинсвангер*, 1999, с. 249).

«Нужно иметь ключ к *системе знаков* и уделять ей должное внимание» (*там же*, с. 262), пишет Бинсвангер далее, как бы цитируя свою пациентку. Судьба Лолы Фосс была печальна. Бинсвангер описывает, как из навязчивых представлений вырастает бред преследования, в котором уже нет бинарной альтернативы между правильным и неправильным выбором. Выбор уже сделан. И это выбор в пользу, как он выражается, «омирения», то есть «капитуляции «я» перед миром» (*там же*, с. 264, 268), отдания своего «я» во власть Ужасного (ср. понятие Жуткого (*Unheimliche*) в одноименной знаменитой работе Фрейда (*Фрейд*, 1995)).

Если на первом этапе, на этапе навязчивости, Лола «с помощью сложной системы вербальных предсказаний старалась ловить Ужасное на слове – заклиная его» (заклинание при этом понимается как «выражение подчинения, которое сделало само себя узником и теперь в отчаянии бьется о стены своей тюрьмы» (с. 269)), если тогда она подчинялась навязчивым командам «Повернись кругом!», «Не доверяй никому!», «Остерегайся!», когда «будущее было то закрыто, то открыто» (с. 271) (ср. выше мысли В. фон Гибсаттеля об отсутствии будущего у импульсивных личностей), как в ситуации красного или зеленого света светофора, когда счастье и блаженство зависят только от подчинения бессмысленному навязчивому приказу (с. 282), то теперь obsessions перерастает в бред преследования. Бинсвангер рисует тонкую диалектику навязчивого и сверхценного⁶: теперь ее преследует постоянное чувство, что «тебя подслушивают и тебе угрожают» (с. 264), «неизбежное жутко-скрытое состояние захваченности, суда и осуждения, препятствования и нападения со стороны других». Альтернатив – светофора больше нет, «я» погрузилось полностью в Ужасное, в бред, в состояния полного Ужаса. Здесь магия ее вербального оракула, магия светофора прекращает свое существование.

⁶ Ср. наш анализ этих понятий в главе «Бред» книги (*Руднев*, 2005).

8. Язык и магия

В наших рассуждениях упущено одно звено. Мы не говорили о связи языка и магии, и при этом исходили из неверной посылки, что магический архаичный язык – тот же самый, что и современный. Для того, чтобы доказать обратное, придется теперь привести обширную цитату из статьи А.Ф.Лосева «О пропозициональных функциях древнейших лексических структур». Мы будем нумеровать фрагменты из Лосева так, как в них одно следует из другого:

0. «Если бы мы захотели начать с наиболее древнего архаического строя предложения, то нам предстояло бы, прежде всего, расстаться, с нашим обычным синтаксисом, характерным для индоевропейских языков, и окунуться в большую историческую глубину, где предложение даже не имеет еще своих выработанных членов, и даже еще не имеет четко выраженных частей речи.

1. Этот синтаксический строй в настоящее время получил название *инкорпорированного* (от латинского выражения *in corpore*, что значит «в целом, целиком, без разделения»). Сущность его заключается в том, что речь здесь еще не знает отдельных частей речи и отдельных членов предложения. Предложение строится здесь путем простого комбинирования разных основ или корней без всякого их морфологического оформления, путем простого нанизывания, в результате чего и образующиеся из них предложения являются в то же самое время ни чем иным, как одним словом. Инкорпорация есть, таким образом, комплексное слово-предложение.

2. Так, например, в колымском диалекте одульского (юкагирского) языка мы имеем такую фразу: *asayulsoromoh*, где *asa* – означает ‘олень’, *yuol* – ‘видение’ и *soromoh* – ‘человек’. Другими словами, это есть «олень-видение-человек», что в переводе на русский язык означает: «Человек увидел оленя».

3. Отсутствие морфологии в инкорпорированном грамматическом строе свидетельствует о том, что инкорпорированное мышление оперирует исключительно только бесформенными, расплывчатыми, не анализируемыми чувственными пятнами.

4. Что такое отсутствие разницы между основой слова и ее оформителями, с точки зрения мышления? Ведь это же есть ни что иное, как отсутствие различия между сущностью и явлением.

5. В инкорпорированном синтаксисе отсутствует не только изменение слов, но и вообще разделение их на части речи. Часть речи – есть языковое выражение и практическое осуществление в речи логических категорий.

6. Ясно, что отсутствие частей речи в языке соответствует отсутствию логических категорий в мышлении, а отсутствие логических категорий в мышлении есть отсутствие для такого мышления и в самой действительности подобного же рода противопоставления вещей и их свойств, качественных и количественных, их действий и пр.

7. Что значит субстанциональное присутствие целого в своей части? Это значит, что с уничтожением или устранением данной части уничтожается или устраняется само целое. Если это целое действительно присутствует в части как таковое, то есть субстанционально и нумерически, а не только внешне и не только видимо, то, конечно, оно должно погибать вместе с гибелью этой одной части. Однако где же в действительности мы находим такие вещи, которые бы характеризовались подобным отношением целого и частей? Такие вещи суть только живые организмы, организмы жизни.

8. А теперь мы дадим название той идеологии и той логике, которая вырастает в связи с инкорпорированным строем предложения. Эта идеология и эта логика есть мифология. Ведь мифологией мы называем именно понимание всего неживого как живого и всего механического как органического.

9. Говоря вообще, для инкорпорированного мышления все решительно и целиком присутствует или, по крайней мере, может присутствовать во всем. Да иначе это и не может быть, поскольку инкорпорированное мышление, с одной стороны, не способно ничего расчленивать, т. е. всюду мыслит все, что можно, сразу и одновременно; а с другой – оно не было бы и мышлением, если бы не отличало одной вещи от другой. Отсюда-то и вытекает эта логическая разгадка первобытного мышления на ступени инкорпорации, сводящая его на этот принцип «все во всем» (Лосев, 1982, с. 250-251, 254-255, 257-259, 261).

Эта ретардирующая цитата была необходима для того, чтобы мы могли задуматься о роли языка в психодинамике и метапсихологии обсессивно-компульсивных расстройств. Там происходит регрессия – конечно, не такая глубокая, как та, о которой пишет Лосев. Он пишет о регрессии до уровня «додефренированности», как бы выразился финский психоаналитик Вейкко Тэхкэ (Тэхкэ, 2003), то есть до уровня шизофренического мышления. Конечно, обсессивно-компульсивное мышление гораздо более дифференцированно, но, тем не менее, оно регрессировало на *догенитальный* уровень. Разумеется, ребенок на анально-садистической стадии может нормально говорить на современном языке. Но когда взрослый регрессирует до «всемогущества мыслей», а это ведь может быть не обязательно обсессивный невротик, но и шизофреник, как бинсвангеровская

Лола Фосс (вспомним ее обсессивные игры со словами!), следует помнить, что архаическими истоками этой стадии мышления – отражения всего во всем – был именно изначальный инкорпорирующий строй. Этому соответствует архаическое галлюцинаторное «всемогущество» ребенка, о котором писал Шандор Ференци в статье «Ступени развития чувства реальности» (Ференци, 2000).

Кажется, теперь мы ответили на вопрос о соотношении педантизма и магии, проследив все логические связи. Мы закончим строками из Давида Самойлова, которые послужили эпиграфом к нашему исследованию:

Но внешний мир – он так же хрупок,
Как мир души. И стоит лишь
Невольный совершить поступок:
Задел – и ветку оголишь.

Автор выражает глубокую и сердечную признательность Татьяне Михайловой и Александру Сосланду за помощь в работе над этим исследованием.

ЛИТЕРАТУРА

- Бинсвангер Л.* Случай Лолы Фосс // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М. 1999.
- Блейлер Э.* Руководство по психиатрии. М., 1993.
- Блюм Г.* Психоаналитические теории личности. М., 1996.
- Бурно М. Е.* К уточнению клинического понятия “психастеническая психопатия” (Краткая история и современное состояние вопроса) // Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова, т. LXXIV, вып. 11, 1974.
- Брилл А.* Лекции по психоаналитической психиатрии. Екатеринбург, 1998.
- Бурно М. Е.* Трудный характер и пьянство. Киев, 1990.
- Бурно М. Е.* О характерах людей. М., 1996.
- Волков П. В.* Разнообразие человеческих миров: Руководство по профилактике душевных расстройств. М., 2000.
- Ганнушкин П. Б.* Избранные труды. М., 1998.
- Гесбатель В. фон.* Мир компульсивного // Экзистенциальная психология. М., 2001.
- Деглин В. Д., Балонов Л. Я., Долинина И. Б.* Язык и функциональная асимметрия мозга // Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 635. Труды по знаковым системам, т. 16, 1983.
- Кемпинский А.* Психология шизофрении. М., 1998.
- Кречмер Э.* Об истерии. М., 1996.
- Леонгард К.* Акцентуированные личности. М., 2000.

- Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1991.
- МакВильямс Н. Психоаналитическая диагностика. М., 1998.
- Малиновский Б. Магия. Религия. Наука. М., 1998.
- Мэй Р. Смысл тревоги. М., 2001.
- Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. М., 2000.
- Руднев В. Морфология реальности: Исследование по «философии текста. М., 1996.
- Руднев В. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. 2000,
- Руднев В. Обсессивный дискурс // Логос. 3 (13), 2000а.
- Руднев В. Метафизика футбола: Исследования по философии текста и патографии. М., 2001.
- Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001а.
- Руднев В. Характеры и расстройства личности. М., 2002.
- Руднев В. Божественный Людвиг: Витгенштейн – формы жизни. М., 2002а.
- Руднев В. Тайна курочки Рябы: Безумие и успех в культуре. М., 2004.
- Руднев В. Словарь безумия. М., 2005.
- Руднев В. Диалог с безумием. М., 2005а.
- Сосланд А. И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода. М., 1989.
- Сосланд А. И. Любовь к смыслу // Проблема смысла в науках о человеке (К столетию Виктора Франкла) Материалы международной конференции (Москва, 19–21 мая 2005 г.). М.: Смысл, 2005.
- Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.
- Фрейд З. Из истории одного детского невроза // Зигмунд Фрейд и Человек-Волк. К., 1996.
- Фрейд З. Тотем и табу. М., 1998.
- Фрейд З. Характер и анальная эротика // Фрейд З. Тотем и табу. М., 1998а.
- Фрейд З. Навязчивые действия и религиозные обряды // Russian Imago-2001. М., 2002.
- Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М., 1985.
- Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Дополнительный том. М., 1998.
- Фуко М. О трансгрессии // Танагография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994.
- Шапиро Д. Невротические стили. М., 2000.
- Якобсон Р. О. Труды по языкознанию. М., 1985.
- Freud S. Inhibitions, symptom and anxiety // Freud S. On Psychopathology. N-Y., 1981.